

Статья показывает взаимообусловленность развития науки и социума на примере развития отечественной социологии города (социальной урбанистики). Предлагается новый подход к периодизации развития российской социологии города на основе преобладающего типа социальности. Выдвигается идея, что социальная природа современного города определяет необходимость нового научного направления – «эпистемологической урбанистики», построения дискурсивной метамодели современной отечественной урбанистики, интегрирующей внутреннюю (познавательную-исследовательскую) социальность, внешнюю (нормативно-коммуникативную) и открытую (общекультурную). Осуществляется системная характеристика гносеологического и предметного содержания отечественной социальной урбанистики на разных этапах ее становления, нынешнего социального статуса и векторов развития. Методологической основой исследования стала типология социальности (И. Т. Касавин). Применяются типология теоретических дискурсов урбанистики (Э. Сойя), периодизация отечественной урбанистики, основанная на типологии социального устройства (О. Н. Яницкий).

Ключевые слова: типы социальности; урбанизм; социология города; научная (интеллектуальная) сеть; право на свой город; эпистемологическая урбанистика.

This article aims to show the interdependence of science and society by the example of the development of the national sociology of the city (social urbanism). The author proposes a new approach to the periodization of the development of Russian urban sociology based on the prevailing type of sociality. The idea is that the social nature of the modern city determines the need for a new scientific direction, 'epistemological urbanism', the construction of a discursive meta-model of modern domestic urbanism, which integrates an internal (cognitive-research), external (normative-communicative) and open (general cultural) sociality. The article solves the problem of systemic characteristics of the epistemological and substantive content of Russian social urbanism at different stages of its formation, current social status and development vectors. The methodological basis of the study is the typology of sociality (I. T. Kasavin). The study also uses the typology of theoretical discourses of urbanism (E. Soja) and the periodization of Russian urbanism based on the typology of social structure (O. N. Yanitsky).

Keywords: types of sociality; urbanism; sociology of the city; scientific (intellectual) network; the right to your city; epistemological urbanism.

Городские исследования в России: эстафета социальностей / Urban studies in Russia: Sociality relay races

текст

Юлия Козлова

Московский городской педагогический университет

text

Yulia Kozlova

Moscow City University

Исследования города и социальная система

В последние два десятилетия наблюдается новый виток урбанизации, который выражается не только в росте удельной доли городского населения, но и в разворачивании, наряду с индустриальными и постиндустриальными процессами, цифровых трансформаций городской инфраструктуры. Все это приводит к повышению значимости социальной урбанистики как востребованной области научных исследований и городских практик. Однако статус и содержание этой области знаний очерчены нечетко и во многом ассоциируются с архитектурой и дизайном, формированием городской среды, муниципальным управлением. Между тем уже в классических работах по социологии города предлагается изучать все современное общество как урбанистическое, существующее преимущественно в городских формах социальной жизни. Сойя [1], развивая эту идею, предлагает периодизацию форм социальной жизни на основе четырех урбанистических революций, причем понятие города раскрывается им в связи с усилением роли государства, развитием письменности и разделением труда.

В исследовании взаимосвязи градостроительного процесса и социологии города вслед за К. Марксом, М. Вебером, К. Бюхером делается акцент на социальную обусловленность этой связи, и поэтому периодизация российских исследований города строится на типологии социального порядка и степени представленности социальных акторов (государство, гражданские организации, в том числе научное сообщество и в целом горожане как субъект познания, производства и потребления).

Город возник и развивался как базовая форма гражданства, поэтому особенно интересно проследить в ретроспективе динамику формирования социальных основ российской урбанистики и на этой основе выявить актуальные потенциалы развития социологии города в России.

В настоящее время актуальными становятся социально ориентированные, рефлексивные и проектные исследования города, выходящие за границы отдельных отраслей знания (гуманитарные науки, инженерные, естественно-географические), а также и за пределы междисциплинарного проблемного подхода (антропологические,

демографические, социокультурные, управленческие вопросы городской жизни и их общественная природа).

Динамика подходов к осмыслению дискурса города обусловлена преобладающей в тот или иной временной период формой взаимообусловленности науки и общества или, иными словами, типом социальности [2]. Так, внутренняя социальность представляет собой формы, возникающие в процессе общения, творчества и сотворчества, усвоенные познавательные структуры, набор методов познания и нормативов их использования, становящихся объектом рефлексии и имеющих социальную природу. Внешняя социальность отражает фиксацию смыслов социальных отношений, состояния общественных систем, образ мира и человека в нем, идеологию и мораль, которые нужны для регуляции деятельности и достижения индивидуальных целей. Открытая социальность – это «сфера культуры, взятая в ее максимально доступном объеме», знание, понимаемое как форма социального бытия, закрепленная в предметах и символах. Это сфера взаимодействия субъекта со всем многообразием культуры, в которой возможны сравнение, анализ, самоопределение в выборе. Это также и уровень творчества, его интерпретации и трансляции, рефлексивного самоанализа. Именно здесь происходит выход за пределы познавательной традиции, обогащение внешней и внутренней социальности новыми смыслами, парадигмами, концептами. Для понимания природы города как социального явления в контексте «открытой социальности» необходим анализ развития городского дискурса, интерпретации культурного символизма города.

Когда доминирует внешняя социальность

Вопросы взаимообусловленности города и общества, города и культуры, реального и идеального города ставятся еще в античности, например, в системе городской планировки Гипподама Милетского и эргономической архитектурной системе Марка Витрувия. Представление о городе как предметной форме общественных отношений развивается независимо и оригинально и в раннем китайском средневековье (трактат «Као гун цзи»), и в европейских моделях «идеального города» у А. Филарете, В. Скамоцци и П. Катанео.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российской государственной научной фонды (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00288 «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>
Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>)

В эпоху Возрождения интерес ученых к городским процессам усиливается под влиянием интенсивных изменений социальной системы, например, географических открытий, культурной экспансии, геополитических преобразований. Глубина и интенсивность социальных процессов определяет характер запроса на уровень, качество и характер исследований города.

Начало развития мировой урбанистики в современном понимании можно отнести к первым плановым проектным застройкам Петербурга (планы Доменико Трезини 1712–1715) и Вашингтона (проект Пьера Ланфана, представленный в 1791). Формирование урбанистики как самостоятельной исследовательской области начинается в 1870–1880 годы с монографии Р. Баумайстера «Расширение города с точки зрения техники, строительного регулирования и экономики». Город привлекает внимание ученых как объект социально-исторического исследования и особый общественный субъект.

Изучение профессионального градостроительства в России началось еще в 1880-е годы и связано с развитием торгово-промышленной деятельности, автомобильного и общественного транспорта, расширением числа реальных и ремесленных учебных заведений. Новое поколение, не заставшее крепостного уклада, в большей степени было готово к миграции в город, адаптации к другому ритму и содержанию жизни. Индустриальный город все дальше уходил от символически неизменного социального пространства, становясь научной лабораторией, местом провозглашения инновационных идей и проверки гипотез относительно общественного устройства и новых возможностей человека.

В России рубежа XIX–XX веков градостроительство понималось не только как архитектурно-инженерная наука, но и как система идей, которые могли бы объединить власть, профессиональных проектировщиков и простых горожан. Ставятся вопросы организации городских пространств, взаимосвязи застройки с моральным и физическим здоровьем и уровнем смертности населения, транспортным, экономико-правовым и социальными аспектами градостроительства [3].

В 1920-е годы были заложены основы комплексного изучения города; духовные и социальные явления города стали отождествляться с жизнью и историей общества, которые возникают и фиксируются в городской структуре [4].

В этот период Н. П. Анциферовым в работе «Пути изучения города как социального организма» обосновывается необходимость «синтетической характеристики» социальности города, которая включала бы сопоставление особенностей городского ландшафта, возрастных процессов, отражения городских ценностей в названиях архитектурных объектов и в искусстве. Начинается институализация градоустройства как общественной науки и практики в городском управлении [5], планировании [6] и финансировании городского хозяйства.

Уже на начальном этапе своего развития отечественная урбанистика была социально ориентирована и развивалась в направлении интеграции познавательных запросов представителей различных областей знания (внешняя социальность) с запросами растущих городов, в которых масштабные промышленные производства и новый уклад жизни формировали общественные системы промышленных мегаполисов. Ориентация на предметно-действенное воплощение в городской системе новых способов совместности и социального бытия и определило приоритет внешней социальности.

Внутренняя социальность в советской урбанистике поствоенного периода. Термины «урбанизм» и «урбанистика» начали применяться в 1920–1930 годы для обозначения социально-урбанистической концепции

как профессиональной практики и названии университетских курсов.

В дальнейшем долгие десятилетия урбанистический подход в российской науке и образовательной практике развивался как область личного научного творчества, факультативного по отношению к унифицированному плану, функциональному производству; в то же время социальная система была ориентирована на поддержание однородности, единообразия действий и знаков, обеспечивающих нормативное регулирование действий и стандартизацию советской социальной системы.

В 1960-е годы возник запрос на проектное городское строительство и подготовку креативных специалистов [7]. Изменения нормативной регуляции в науке и образовании инициировали рефлексивные исследования города, творческие проекты, формирование значимых концепций и научных школ, на долгие десятилетия определивших направленность российской социологии города.

В этот период формируется тартуско-московская семиотическая школа Ю. М. Лотмана, в которой город как картина мира, городская среда рассматриваются в качестве символического текста, полного общечеловеческих общественных и личных смыслов. Основными смысловыми единицами «семиотической урбанистики» являются символ города и городской миф. А в качестве механизмов социальной идентификации рассматриваются смыслообразование, смысловыражение, памятование (коммеморации) и интеграция культурных ценностей. Здесь логика развития научного познания, основанного на личном творчестве и дискурсе «открытой социальности», дала универсальные идеи трактовки городского социума – от античности до эпохи НТР. В архитектуре реализуются вариативные, авторские представления об общественном благе, эталонном социальном устройстве, одобряемых практиках городской повседневности.

В 1970-е годы активно разрабатывалась проблематика городского планирования, самоуправления, социальных вопросов; город рассматривался как единый, непрерывно эволюционирующий организм [8]. В 1990-е научной школой М. С. Кагана была предложена целостная системно-синергетическая методология изучения города на примере Санкт-Петербурга, позволяющая выявить взаимосвязи предметного и ментального слоев бытия с поведением горожан в «системе координат» развития города (природа и география, архитектурная и художественно-эстетическая среда).

Культурно-историческое направление, изучение города как социальной системы, очерченное еще в начале XX века в работах Н. Анциферова, получило дальнейшее развитие в социально-экологической метаболической концепции города О. Н. Яницкого, выдержавшей испытание временем. Метаболическая схема рассматривает город в глобально-локальной сети, которая функционирует в условиях непрерывного искусственного метаболизма, имеющего свою специфику социального конструирования и социальной идентичности. Возможности этого концепта связаны с построением безопасной развивающейся открытой городской среды в условиях медиатизации (цифровизации) в дихотомии «реальное-виртуальное». О. Н. Яницкий подчеркивал, что урбанистика непременно включает социально-экономические и культурные процессы, и нет ничего странного в том, что архитектура социологизирована в большей степени, чем социология, поскольку в архитектуре сходятся идеологические и жилищные аспекты с нормативным регулированием и управлением коммуникациями в обществе [9, с. 160]. Данная (метаболическая) модель описывает также включенность города в мировую систему. В системном анализе города наблюдаются параллели с последовательностью флуктуаций в условиях неопределенности [10].

> Сенная площадь в 90-е. Иллюстрирует диссонанс классического архитектурного пространства с социальной неустойчивостью 1990-х годов на постсоветском пространстве (<https://trip-for-the-soul.ru/foto/sennaya-ploschad-v-90.html>)

^ А. Самохвалов. Индустриальный пейзаж. Образ города, где природное подчинено научному производству, а личностное – общественному (<https://polotnos.com/17094-industrialnyi-peizazh-v-zhivopisi.html>)

Вопрос о локальной идентификации в метаболической концепции связывается с планированием городских пространств, которое может провоцировать социальную поляризацию жителей или же объединять их по пространственным, демографическим, экономическим признакам, помещая их в особую реальность со своими характеристиками социального пространства-времени [11]. Таким образом, городская экосистема является условием жизнеобеспечения и безопасности.

Этот период (вплоть до конца 1980-х годов) примечателен тем, что «советский образ жизни», «социальный заказ» в той или иной степени регламентировал для научного сообщества способ интерпретации социальных фактов жизни города, диктовал формы и условия выражения исследовательских результатов.

Открытая социальность: дискурсивная урбанистика эпохи реформ

Рубеж тысячелетий стал тем поворотным этапом, на котором возникла необходимость заново определить понятия «город», «городские исследования», подтвердить статус отечественной социальной урбанистики. Началась интеграция в отечественную науку привычных для зарубежной социологии города проблем: социальная разобщенность, обеднение социальных контактов, противопоставление медийной и обыденной реальностей, социальная фрустрация, атомизация и поляризация в обществе. В этом отношении представляют интерес работы отечественных исследователей, содержащие попытки противостоять «интеллектуальной моде» и механическому переносу зарубежных исследовательских моделей на российскую почву.

В 2008 году вышла книга В. Л. Глазычева «Урбанистика», в которой он с сожалением констатирует, что основы российских городских исследований, заложенные в начале XX века под влиянием немецкой и британской школ, были непростительно мало востребованы вплоть до 1990-х годов. В определенном смысле отечественная социальная урбанистика утратила свое узнаваемое лицо дважды за столетие: под влиянием плановой системы, а затем – под влиянием рыночной. Поиск исторически обусловленного фундамента, по-

< Б. Чижов. Москва 1950-х годов. Образ советского города, справедливого и равноправного социалистического общества (<https://www.yaplakal.com/forum2/topic1547740.html>)

строение актуальной модели исследований города было связано в том числе и с проблемой следования правилу в социальных исследованиях («Философские исследования» Л. Витгенштейна), а также ее решением, предложенным в «теории социальных эстафет» М. А. Розова. *Этот общегуманитарный подход рассматривает город как динамичный пространственно-смысловой текст. Запрос на исследование происходящих в городе процессов возможен лишь на основе преемственности тех смыслов, которые были созданы и переданы на каждом из исторических этапов. Дискурсом прочтения городского текста является не только социально-культурный контекст эпохи, но и тот тип социальности, который был реализован в этом тексте.*

Реализация модели общественного устройства, где социальный и экономический статус определяет место человека в городе, доступный социальный репертуар и набор контактов неизбежно приводит к росту таких явлений, как маргинализация, прекаризация, развитие теневого субкультуры, повышение степени угроз в городском пространстве. Осознание подобных перспектив обусловило необходимость перехода от урбанистики «городского планирования» к урбанистике «городского социального проектирования», которая раскрыла бы социальный потенциал архитектурного проектирования и дизайна.

К середине второго десятилетия XXI века сложилось понимание города как сложного гибридного объекта, включающего искусственную среду, социальные связи и экосистемы, а городских исследований (англ. urban studies) – как инструмента изучения взаимодействия индивида и общества, средств достижения равноправия и полисубъектности. В данном случае традиционные исследовательские методологии оказываются недостаточными, необходим динамический подход, включающий системность, структурность и диалектический характер познания.

Эпистемологическая урбанистика: интеграция социальностей

В последние десятилетия в связи с технологизацией городских коммуникаций и самой социальной системы

города возникает запрос на социальные технологии, позволяющие формировать мотивационно-потребностную, ценностную сферу в дискурсивном пространстве города. Концепты «цифровой город», «умный город» предполагают внедрение цифрового управления и комфортизацию среды, повышение ее разнообразия, насыщенности стимулами, вариативность, безопасность, масштабирование удачных сценариев. Но цифровая реальность ставит также и вопросы цифрового доверия, под которым понимается уровень безопасности цифровой среды города, прозрачность структуры и форм сетевых экосистем, уровень комфорта и защищенности горожанина в них.

Актуальным является влияние цифровизации на трудовые, демографические и миграционные процессы, в том числе на вопросы социальной интеграции безработных, самозанятых, работающих удаленно, а также изучение и прогнозирование отсроченных изменений в обществе, инициированных цифровизацией производства, образования и городской инфраструктуры.

Формируется социальный запрос на исследование природы цифрового неравенства как новой формы социального неравенства. Возрастает потребность научного обоснования понятия цифровой культуры, которая делает гражданина полноправным актором открытого общества [12], участвующего в институализации и принятии решений по городским вопросам, определяющим его социальные взаимодействия. Обсуждается вероятность сокращения не только рабочих мест, но и социальных функций, формирование феномена «лишних людей XXI века» [13], который может создать предпосылки для перемен социальной и пространственной инфраструктуры городов в будущем.

Современный цифровой город является интеллектуальной системой, пространством интеллектуального производства и потребления, ядром интеллектуальной сети. В связи с этим реализация «права на город» становится невозможна в дискурсе классической «градостроительной», социальной или даже междисциплинарной урбанистики. Эпистемологическая природа «права на свой город», сетевой, общекультурный характер интегральных городских исследований обуславливают формирование нового направления в социологии города – «эпистемо-

в Мегалополис будущего глазами детей. Детский рисунок. Город, воплощающий мечты о будущем, неопределенность, еще неизвестные возможности и опасности (<https://narisyu.com/detskie-risunki/30910-megapolis-budushchego-risunki-detei.html>)

логической урбанистики» [14], [15] где так или иначе реализуют себя все три типа социальностей. Такой подход ставит во главу угла интеллектуальную самореализацию городских сообществ, в том числе образовательных, экспертных и научных, с одной стороны, и доступность интеллектуального ресурса города для всех его сообществ – с другой.

Заключение

В отечественной социологии города уже на исходе XX века акцентировались социально-культурные проблемы сближения города и деревни и, как следствие, вопросы планирования социальной инфраструктуры крупных городов. И уже тогда прогнозировались процессы тотальной урбанизации, которые с необычайной скоростью происходят сегодня. Очевидно, что с началом эпохи городского образа жизни и городской культуры, которые формируют идентификационные основы практически для всех граждан, а не только жителей

мегаполисов, исследования города перестают быть лишь «одной из» проблем философии, культурологии, социологии, градостроительства или менеджмента. При этом содержание и методологический исследовательский инструментарий регулируется внешними социальными условиями, а познавательная направленность исследователя – социально обусловленной деятельностью и научной коммуникацией.

Взаимодействие двух факторов – социального порядка в обществе и доминирующей социальности позволяет провести следующую периодизацию отечественной социальной урбанистики.

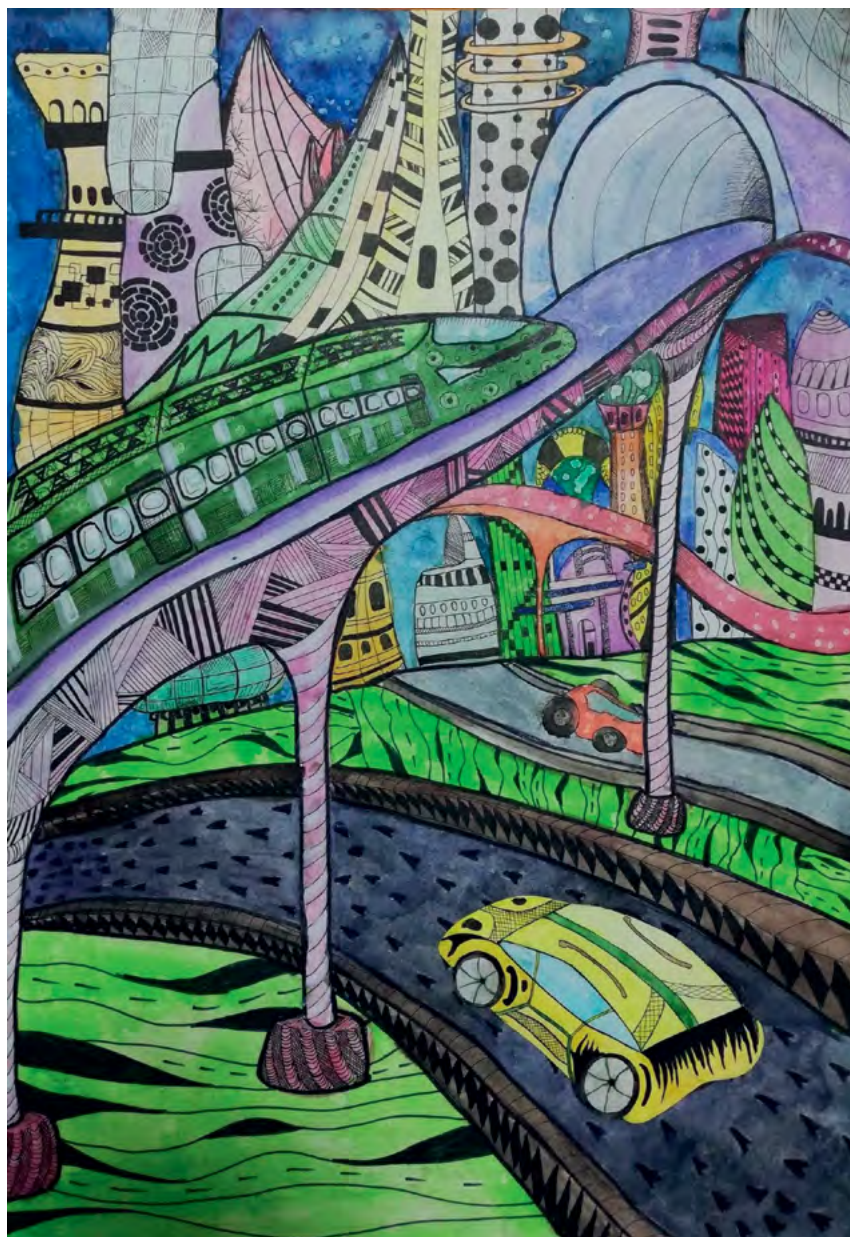
1. Научные и гражданские инициативы, формирование основ проектирования природного города, создание модели идеального социального индустриального города, основанного на мобилизационной экономике и единстве с природой (1900–1930). В науке доминирует внешняя исследовательская социальность.

2. Промышленная урбанизация, формирование урбан-социологии, в которой общественная система – система городов (1940–1960). Ученые работают в определенных рамках, внутри ограниченного теоретического поля. Поэтому на данном этапе преобладает социальность внутренняя.

3. Междисциплинарное изучение города как системной формы образования и выражения общественных прав (1970–2000). Активизируется открытая социальность.

4. Дивергенция теоретических и практических подходов к социальным проблемам города, развитие цифровых технологий, рост социального неравенства в городах, кризис дисциплинарных исследований города, начало формирования «новой российской урбанистики» (2000 по настоящее время). Сложные процессы городской динамики и многообразии научного поиска обозначают тенденцию интеграции социальностей.

Как мы видим, на первых двух этапах производство научных знаний по социологии города было обусловлено социальной нестабильностью, рядом общественных кризисов, то есть имело внешнюю, нормативно-регулятивную основу и было направлено на достижение заданных изменений в обществе. Творчество выдающихся ученых, познавательная активность и интерпретация городских процессов (внутренняя социальность в рамках научной школы, научного сообщества) имели ярко выраженную социальную и идеологическую направленность. На третьем этапе социальный и познавательный-коммуникативный фактор стали взаимодополняющими, что позволило урбанистике объединить инженерию и искусство, семиотику и социальную динамику. Определились направления, аналогичные мировым тенденциям, что свидетельствует о достижении третьего уровня социальности – общекультурной. Вместе с тем усугубилось и расхождение академической науки с плановым проектированием. В 1960–1980-е годы это был диссонанс единичных творческих проектов, отражающих запросы административной, научной и творческой элиты и однородных жилых массивов, заполняющих окраины городов. В 2000–2020 годы внешними условиями диктовалась коммерциализация городского пространства, а познавательные запросы экспертов и специалистов обратились к адаптации зарубежных концептов, связанных с дизайном, цифровыми экспериментами и развитием агломераций. На данном этапе социальная урбанистика фокусируется на «гуманитарном исследовании города», под которым понимаются гуманитарные или междисциплинарные исследования взаимосвязи социальных структур города, личности и происходящих в обществе трансформационных процессов. Трансформационные процессы рубежа третьего десятилетия нынешнего века требуют переос-

мысления уникального творческого наследия отечественной социальной урбанистики и выработки на ее основе новой исследовательской модели. В ней город должен быть представлен как элемент научной социальной сети, как пространство реализации общественных прав всех социальных групп, как объект локальной идентичности. Эпистемологическая урбанистика изучает город прежде всего как социальную форму и включает в себя следующие научные направления.

1. Исследования города в рамках нормальной науки, формирующие некий мифологический концепт города, который удобно адаптировать к социальной динамике, использовать для прогнозирования и экспертной оценки.

2. Полидисциплинарную и междисциплинарную урбанистику, так называемый «проблемный подход», отказ от устойчивых детерминант (постмодернистские исследования города как символической реальности, гипертекста).

3. Метаисследования, рефлексивные исследования города и самого исследовательского процесса, создание формирующих исследовательских программ вне концептов.

Итак, с одной стороны, социально-исторические детерминанты придают отечественной социальной урбанистике второстепенный, интегративный, прикладной характер по отношению к социальной науке в целом; с другой же – социальная урбанистика становится интегральной исследовательской лабораторией. Анализ наследия отечественных урбанистов необходим для интеграции внутренней познавательной и нормативно-регулятивной социальной с открытой социальностью, в дискурсе которой пространство города становится «естественной лабораторией» для изучения общественных процессов.

Литература

1. Soja, E. W. *Postmetropolis: Critical studies of cities and regions*. – Oxford; Malden (Mass.): Blackwell, 2001. – 440 p.
2. Касавин, И. Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. – 2006. – Т. 7. – № 1. – С. 5–15.
3. Диканский, М. Г. Проблемы современных городов : Движение в больших городах. Кризис жилища. – Москва : Вопросы труда, 1926. – 91 с. : ил.
4. Гревс, И. М. Природа экскурсионности и главные типы экскурсий в культуру // Экскурсии в культуру : Метод. сборник Статьи : Н. П. Анциферова, Я. А. Влядих, И. М. Гревса / Под ред. проф. И. М. Гревса. – Москва : Мир, 1925. – 204 с.
5. Озеров, И. Х. Большие города, их задачи и средства управления. – Москва : Тов-во И. Д. Сытина, 1906.
6. Ильин, Л. А. Эволюция градостроительства // Коммунальное хозяйство и строительство. – 1921. – № 1. – С. 11–23.
7. Странтов, А. Е. Введение в городское строительство : (лекции о советском городе) : учебник для студентов вузов, обучающихся на I курсе по специальности «Городское строительство и хозяйство». – Москва : Госстройиздат, 1963. – 170 с. : ил.
8. Яхшин, А. М., Говоренкова, Т. М., Кagan, М. И., Меркулова, З. Е., Стрельников, А. И. Графоаналитический метод в градостроительных исследованиях и проектировании. – Москва : Стройиздат, 1979. – 204 с. : ил.
9. Яницкий, О. Н. «В обществе меня всегда интересовала обратная сторона медали...» // Социологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 152–174.
10. Пригожин, И. Р., Стенгерс, И. В. Время, хаос, квант : к решению парадокса времени. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 240 с.
11. Яницкий, О. Н. Российские мегаполисы в условиях новых социально-экологических вызовов : задачи проекта и методы их решения // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. – 2019. – № 2 (8). – С. 5–24.
12. Климовицкий, С. В., Осипов, Г. В. Цифровое неравенство и его социальные последствия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 2. – С. 47–51.
13. Привалов, М. Лишние люди XXI века как проблема урбанистики и не только // Проект Байкал. – 2018. – № 57. – С. 87–93. DOI: <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.57.1361>
14. Козлова, Ю. В. Социальная справедливость в контексте эпистемологической урбанистики // *Russian Studies in Culture and Society*. – 2022. – Т. 6. – № 1. – С. 59–73.
15. Савченко, И. А., Козлова, Ю. В. «Право на свой город» : проект эпистемологической урбанистики // Эпистемология и философия науки. – 2022. – Т. 59. – № 3. – С. 185–201.

References

- Dikansky, M. G. (1926). *Problemy sovremennykh gorodov: Dvizhenie v bolshikh gorodakh. Krizis zhilishcha [Problems of modern cities: Traffic in big cities. Housing crisis]*. Moscow: Voprosy truda.
- Grevs, I. M. (1925). *Priroda ekskursionnosti i glavnye tipy ekskursii v kulturu [The nature of excursions and the main types of excursions to culture]*. In I. M. Grevs (Ed.), *Ekskursii v kulturu [Excursions to culture]*. Moscow: Mir.
- Ilyin, L. A. (1921). *Evolutsiya gradostroitelstva [The evolution of urban planning]*. In *Public Utilities and Construction*, 1, 11–23.
- Kasavin, I. T. (2006). *Sotsialnaya epistemologiya: ponyatie i problemy [Social Epistemology: Concept and Problems]*. *Epistemology and Philosophy of Science*, 7(1), 5–15.
- Klimovitskiy, S. V., & Osipov, G. V. (2019). Digital inequality and its social consequences. *Humanities, Social-Economic and Social Ssciences*, 2, 47–51.
- Kozlova, Yu. V. (2022). Social justice in the context of epistemological urbanism. *Russian Studies in Culture and Society*, 6(1), 59–73.
- Ozerov, I. Kh. (1906). *Bolshie goroda, ikh zadachi i sredstva upravleniya [Big cities, their tasks and management tools]* (2 ed.). Moscow: Tov-vo I. D. Sytina.
- Prigogine, I., & Stengers, I. (2009). *Vremya, khaos, kvant: K resheniyu paradoksa vremeni [Time. Chaos. Quantum: Towards the solution of the time paradox]*. Moscow: URSS.
- Privalov, M. (2018). “Needless people” of the 21st century as a problem of urban studies and not only. *Project Baikal*, 15(57), 87–93. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.57.1361>
- Savchenko, I. A., & Kozlova, Yu. V. (2022). “The Right to your city”: A project of the epistemological urban studies. *Epistemology and Philosophy of Science*, 59(3), 185–201.
- Soja, E. W. (2001). *Postmetropolis: Critical studies of cities and regions*. Oxford; Malden (Mass.): Blackwell.
- Stramentov, A. E. (1963). *Vvedenie v gorodskoe stroitelstvo: (leksii o sovetskom gorode): uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya na I kurse po spetsialnosti “Gorodskoe stroitelstvo i khozyaistvo” [Introduction to urban construction: (lectures on the Soviet city): textbook for university students studying in the first year in the specialty “Urban construction and economy”]*. Moscow: Gosstrojizdat.
- Yakhshin, A. M., Govorenkova, T. M., Kagan, M. I., Merkulova, Z. E., & Strel'nikov, A. I. (1979). *Grafoanaliticheskiy metod v gradostroitelnykh issledovaniyakh i proektirovani [Graphoanalytic method in urban planning research and design]*. Moscow: Strojizdat.
- Yanitskiy, O. N. (2002). “V obshchestve menya vseгда interesovala obratnaya storona medal’i [“In society, I have always been interested in the reverse side of the medal...”]. *Sociological Journal*, 1, 152–174.
- Yanitskiy, O. N. (2019). Rossiiskie megapolisy v usloviyakh novykh sotsialno-ekologicheskikh vyzovov: Zadachi proekta i metody ikh resheniya [Russian megacities in the context of new socio-environmental challenges: Project objectives and methods of their solution]. *Coevolution and the Noosphere: Research, Analytics, Forecasting*, 2(8), 5–24.